

ВЛАДИСЛАВ ЗОЛОТАРЕВ

Судьба и Муза

**Воспоминания, архивные
документы, статьи**

Составитель П.Ф. Серотюк

Тернополь
Богдан

ББК 84.4
В57

Рецензенты:

композитор, профессор Одесской музыкальной
академии им. А.В. Неждановой
Власов В.П.

профессор Института искусств НПУ им. М.П. Драгоманова
Семешко А.А.

Владислав Золотарев, как личность и как композитор — человек-загадка, человек-легенда. Его огромный вклад в становление и развитие современного баянного репертуара признан во всем мире.

Но между уровнем известности и частотой исполнения его баянных сочинений, с одной стороны, и информированностью о его личности — с другой, сегодня существует явный дисбаланс.

Именно это несоответствие является существенной преградой для исследования творчества Золотарева и для повышения качества исполнения его музыки.

В издании впервые публикуются дневники, неизвестные ранее документы и статьи, повествующие о жизни, судьбе и творчестве Вл. Золотарева.

Книга адресует широкому кругу музыкантов — учащимся, студентам, преподавателям, исполнителям и исследователям.

Охраняется законом об авторском праве.

*Ни одна часть этого издания не может быть отображена
в какой бы то ни было форме без разрешения
автора или издательства.*

ISBN 978-966-408-618-6

© Серотюк П.Ф., составитель, 2010

© Навчальна книга – Богдан, макет,
художественное оформление, 2010

ДВЕ АФИШИ НА ОДИН КОНЦЕРТ

...Начиная с четвертого курса (с 1970 г.), я практически ежегодно играл в Москве новую программу. Причем, если сначала в концертах преобладали переложения, то постепенно, не без влияния Золотарева, соотношение оригинальной музыки и переложений стало 50/50. В те годы баянисты строили свои программы достаточно трафаретно: начинали с классики (обычно с полифонии Баха) и заканчивали обработками народных песен. В 1973 г. я сломал для себя этот стереотип раз и навсегда. В программе концерта было отделение французской музыки (Франк, Куперен, Рамо, Дакен, Мессиа́н) и новая оригинальная музыка (Журбин. Фантазия и Фуга, его же Токката и Соната №3 В. Золотарева). Конечно же, надо было, как положено (?!), начать концерт с Хоральной фантазии №3 С. Франка. Но заковырка была с Сонатой. Заканчивать концерт ею не хотелось, так как после нее требуется тишина, а не «бисы»; и публике, и исполнителю надо прерваться, поразмышлять. Словом, бисы здесь некстати. И тут Полину Вайдман (из друзей моего окружения — умница, музыковед, по окончании института распределилась в г. Клин и поныне является ведущим научным сотрудником Дома-музея им. П.П. Чайковского) осенило: «А что, если... поменять отделения местами?!». Ну конечно же! И как это я сам не догадался!

...Кое-кто, очевидно, скажет: «Мелочь! Ну что здесь особенного?» Сейчас такое решение кажется элементарным. А тогда это был поворот в сознании. Обращаюсь к молодым музыкантам: труднее всего ломать стереотипы. Молодость —

время дерзаний и ломки привычных основ. Вспомним, какую революцию совершила в баянном мышлении в конце 60-х годов брошюра А. Полетаева «Принципы пятипальцевой аппликатуры на баяне». Это был реферат молодого аспиранта Горьковской консерватории.

На весну 1976 г. мною был запланирован концерт с отделением испанской музыки. Специально для этой программы я попросил Золотарева написать какую-нибудь пьесу с испанским колоритом. Он с интересом воспринял идею и вскоре предложил свой замысел:

Я сделаю переложения известных пьес, таких, как Кордова и Астурия И. Альбениса, и на этой основе сочиню фантазию.

Пожалуйста, не нужно этого делать, — возразил я ему. — Переложения этих пьес уже сделаны мной и включены в программу. А ты напиши что-нибудь оригинальное, типа «Испанской рапсодии» Ф. Листа.

Время шло, дело у Владика не продвигалось. На мои просьбы и напоминания следовал ответ: «Идея не рождается. Потерпи еще». Вскоре получаю от него письмо из г. Смелы Черкасской области, где он частенько бывал в последние годы у родителей. Ни единого намека на испанскую пьесу. Пишет, что нет вдохновения, ничего не может писать. Тут я не вытерпел и в письме попробовал надавить на него: «Надо заставить себя, надо сесть за стол, и вдохновение придет. Надо только сесть». Но мой друг никакого давления не признавал. В ответ приходит письмо, написанное не без юмора: «Вдохновение — это чудесно. Но и сидеть без цели на яйцах — это не лучший лоцман вдохновения. Без цели я не могу работать. А цель пока стоит в отдалении... Потому что ее верный хозяин и слуга пока отдыхает после стольких лет работы».

По приезде в Москву он принес мне только что законченную Детскую сюиту № 4 в 10 частях: «Возьми поиграй, пока «Испаниада» в работе».

Я, конечно, с азартом принялся разбирать сюиту. У меня вообще с самого начала знакомства с его музыкой сложился некий комплекс жадного ожидания всего того, что выходило из-под его пера, — настолько близки мне были все его образы, интонации, весь духовно-эмоциональный строй, даже сама рукописная нотная запись с крупным, красивым, ясным почерком. Кстати,

в этом я был далеко не одинок. Многие баянисты из разных городов страны, зная наши близкие дружеские отношения, часто в качестве первого вопроса задавали именно этот: что нового написал Золотарев? После первого знакомства с Детской сюитой № 4 я с недоумением спросил его:

— Владик, в сюите 10 частей. Каждая часть будет длиться в среднем минуты 2–3. Тебе не кажется странным, что баянная сюита для детей будет звучать около получаса? Может, ее разбить на две сюиты по пять частей?

— Ты, наверное, прав. Делай, как считаешь нужным.

Спустя какое-то время Владик преподнес мне, наконец, долгожданный подарок — Испаниаду (Испанскую рапсодию).

— Это не испанская музыка, — стал он комментировать свое сочинение. — Это Испания глазами русского человека. Шум морского прибоя, гитарные каденции; здесь фанфары, призывающие к продолжительному морскому походу (Васко да Гама! Или Колумб! — говорил он), затем зажигательные испанские танцы...

...Программе с испанской музыкой не суждено было прозвучать в 1976 г. Она была исполнена в 1977 г., а весной 76-го в силу трагических обстоятельств (уход из жизни Золотарева 13 мая 1975 г.) я подготовил монографический вечер памяти моего друга. Я что-то не припомню, чтобы кто-либо из баянистов играл раньше монографические концерты. Конечно, пианистам намного проще: Klavirabend из произведений Шопена, Листа или Бетховена можно услышать довольно часто.

Программа 1-го отделения включала Пять композиций (первое исполнение) и Сонату № 3. Во 2-м отделении я запланировал Камерную сюиту в шести частях, Детскую сюиту № 4 (первое исполнение) и Испаниаду (первое исполнение). На бис хотел сыграть пьесу «Ферапонтов монастырь. Размышления у Фресок Дионисия». Интересна судьба этой пьесы. После смерти Золотарева его вдова Ирина любезно передала мне почти все его рукописи, наброски, эскизы к будущим сочинениям, литературные труды. В течение нескольких дней я их просматривал, кое-что читал с листа. Невыразимая грусть, тоска, даже отчаяние охватывало меня: Боже, кого же мы потеряли! Это же был человек-космос, пришелец из другого мира; он был не

просто талантлив, он был одарен гениально, просто как гений не смог себя реализовать полностью.

...Читаю с листа баянные миниатюры, фортепианные. Впоследствии «Хоральную прелюдию», «Народный танец» и «В подражание Мусоргскому» я поместил в один из сборников.¹

Мое внимание привлек ряд миниатюр, которые просто жалко было оставлять в рукописном виде. У меня зреет решение расформировать Детскую сюиту № 4, добавить новые пьесы и из получившихся 15 пьес сделать три новые сюиты. Чтобы они получились цельными и имели более-менее законченный вид, я объединил их — очень, конечно, условно — тематически: № 4 — волшебная, № 5 — сказочная, № 6 — деревенская. Теперь мы имеем шесть Детских сюит Золотарева. Думаю, что Владик сам бы разрешил мне это сделать, тем более, что на дробление огромной четвертой сюиты он дал мне «добро».

...Продолжаю читать с листа его рукописи. Вот передо мной лежит фортепианная пьеса «Ферапонтов монастырь. Размышления у фресок Дионисия». Начинаю играть, и... слезы потекли по щекам: невозможно красивая пьеса. Какая сила, какая мощь, каким могучим русским духом веет от этой строгой красивой мелодии! Сочинение небольшое, очень хорошо выстроенное. Могучий, неотвратимый и неспешный мелодический ход вверх в первой половине пьесы и такой же неспешный, но уже печальный (возникают ассоциации с мелодизмом Третьей сонаты) во второй. Обрамляется пьеса его излюбленным большим мажорным септаккордом, звучащим как колокол. Пьеса отзвучала... глаза полны слез... Решение пришло уже во время игры: у пианистов литература неохватна, вряд ли они бросятся на это сочинение, а я, сделав определенную редакцию, «обаяю» ее и издам в сборнике как оригинальную пьесу для баяна.

Золотарев в свое время рассказывал мне, что он увлечен живописью древнерусского иконописца Дионисия и специально совершил путешествие в г. Кириллов Вологодской области, чтобы посмотреть на его знаменитые фрески в Ферапонтовом монастыре. Но о данном произведении ни разу даже не заикался.

¹ Готово-выборный баян в музыкальном училище. Вып. 10 / Сост. Ф. Липс. — М., 1982.

Просматриваю рукописи дальше. Вот первая часть Партиты № 2, экспозиция Четвертой сонаты, начала Третьей и Четвертой концертных симфоний для баяна с симфоническим оркестром. А вот и несколько нотных тетрадей с эскизами к давно задуманному циклу из шести русских лирических опер: «Андрей Рублев», «Сергий Радонежский», «Дионисий», «Феофан Грек», «Нил Сорский», «Аввакум». Если бы этот замысел был осуществлен, если бы удалось исполнить ораторию «Памятник революции», которая приобретена закупочной комиссией Министерства Культуры СССР, уверен — мы стали бы свидетелями признания Золотарева-композитора в совершенно иных масштабах и измерениях.

Среди рукописей — поэма для альты и камерного оркестра «Мартин Иден». Герой Джека Лондона был одним из любимых у Золотарева. Не насильственный ли самоубийца из жизни героя в конце романа оказался для Владислава фатальной точкой, к которой он за неполные 33 года выстроил свой жизненный путь?..

...Концерт был запланирован на март месяц в Концертном зале ГМПИ им. Гнесиных. За несколько дней до концерта появились афиши. По моей просьбе Москонцерт оформил афишу не как сольный концерт исполнителя: сначала крупным шрифтом исполнитель со всеми званиями, а потом программа, а как концерт-монографию: крупно имя композитора, затем программа и лишь внизу имя исполнителя. И вдруг... буквально за пару дней до концерта тогдашний заведующий кафедрой народных инструментов, бывший одновременно секретарем партийной организации института, Ю. Акимов с каким-то особым торжеством в голосе, приподнятым тоном сообщает мне, что ему, как секретарю, звонили из ЦК КПСС(!):

«Что за безобразие творится у вас в Концертном зале? Завершает свою работу исторический XXVI съезд КПСС, вся страна охвачена небывалым подъемом и готовится к выполнению исторических решений съезда, а у вас в день его закрытия весь вечер будет звучать музыка композитора, который покончил собой! Черт знает что такое!»

Я молча выслушал своего начальника. Отношения у меня с ним не сложились с самого первого дня моей работы на кафедре, поскольку как педагог я стал быстро набирать авторитет и в класс ко мне потянулись многие ребята, в том числе и его ученики.